Р-89

Открыта подписка на 1902-й годъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

11.

РОССИЙСКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

Стр.

273. Изъ временъ Петра Великаго. Симбирскій и Астраханскій губернаторъ. Статья **А. А. Титова.**

284. Письма **А. Я. Булгакова** къ его брату, изъ Москвы въ Петербургъ. 1829-й годъ (А. С. Пушкинъ.—Графъ М. А. Мамоновъ.—Александръ Гумбольдтъ въ Москвѣ. — Графъ Закревскій на своей дачѣ подъ Москвою.—При Персидскомъ принцѣ Хозревѣ-Мирзѣ.—Успѣхи войны съ Турціей.—Кончина графа Северина Потоцкаго.—Живыя картины у генералъ-губернатора).

384. Записки графа **М. Д. Бутурлина.** 1839—1840. (Возвращеніе изъ Италіи.—Врачъ А. О. Тридонъ.—Денежный разгромъ.—Графиня А. К. Воронцова-Дашкова.—Жизнь въ Петербургѣ.—Великій князь Михаилъ Павловичъ).

422. Изъ Записокъ **М. С. Сабининой.** 1860-й годъ (Листъ и Вагнеръ).

429. Гвардейскіе солдаты, пособники Екатерины Великой.

430. Изъ стараго стихотворнаго сборника (Письмо учителя ариѳметики.—На Булгарина.—Акцизному чиновнику.—Передъ открытіемъ Дворянскаго Банка).

Въ приложеніи.

Дневникъ статсъ-секретаря Екатерины Великой А. В. Храповицкаго. (Указатель и Приложенія).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1860-й годъ *).

29-го Января. Скончался мой несчастный братъ Иванъ. На слѣдующій день пріѣхалъ къ намъ изъ Висбадена протоіерей Янышевъ, чтобы предать его тѣло землѣ. Намъ было выказано общее сочувствіе, такъ какъ его вообще очень любили. Листъ написалъ мнѣ слѣдующія строки: «Que votre amitié, chère mademoiselle Martha, m'accorde de vous dire à ces heures de douleur que la part que j'y prends est aussi sincère et vive que l'affection que vous conserve avec respect et dévouement F. Liszt. Dimanche, 29 Janvier 1860.»

Отъ княгини Витгенштейнъ я получила слѣдующее: «Recevez, chère Marthe, pour vous et veuilliez témoigner à vos parents l'expression de notre véritable sympathie dans le malheur qui vient de vous frapper. Pour avoir été prévu, ce coup n'en est pas moins douloureux, et le coeur d'une mère n'en est pas moins cruellement brisé. Que Dieu, dont la main seule peut cicatriser de telles blessures, vous soit en aide à vous tous, qui souffrez tant et avez été atteints déjà de tant de douleurs! Bientôt je viendrai moi-même vous redire tous mes sentiments et ceux de Liszt dont je suis l'interprète aujourd'hui. Que de tristes moments pous vous! Notre coeur les ressent vivement. C. W.

P. S. Un souvenir tout particulier à Marion! Ma fille ne manquera pas de prendre bien part à votre chagrin.»

На слѣдующій день меня посѣтилъ Листъ и, вслѣдствіе нашего разговора, онъ мнѣ написалъ слѣдующія строки: «A ce qui vient d'être dit, il me reste à ajouter un point capital, à savoir, si d'après les usages et idées recues en Russie la pension en question ne demeure pas exclusivement dépendante de la rubrique de peinture? Dans ce cas il est évident que vous ne sauriez élever aucune prétention. Ne manquez pas de poser cette question à votre cousin, qui par sa lettre d'information vous mettra sur la voie du parti le plus convenable à prendre. Quand

*) См. выше, стр. 229.

il s'agit de certaines choses de bien, le bon sens et la raison ne servent que de peu, et il faut plier bagage devant la considération d'une haute et puissante infinité. Mille sincères et vives amitiés. Liszt.»

Время, послѣдовавшее за этимъ печальнымъ событіемъ, я употребила на сочиненіе и между прочимъ взялась за свою оперу «Лорелей». Въ настоящее время я бы ни за что не рѣшилась употребить подобный текстъ, но тогда я хотѣла упражняться въ оркестровкѣ и въ этомъ пользоваться совѣтами Листа, котораго очень часто видала все это время. Вообще всѣ наши друзья старались разсѣять насъ въ нашемъ горѣ, а Листъ особенно любилъ покойнаго брата, такъ какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ писалъ всѣ бумаги, касавшіяся развода княгини Витгенштейнъ.

1-го Марта. Вечеромъ Листъ зашелъ ко мнѣ послѣ обѣда у великаго герцога; онъ предупредилъ меня о своемъ посѣщеніи, желая пересмотрѣть со мною либретто къ оперѣ «Лорелей», которое, по моему заказу, написалъ для меня Паске изъ Дармштадта. Листъ въ этотъ день былъ такъ разговорчивъ, и у него было столько новостей, что вмѣсто того, чтобы работать, мы проболтали весь вечеръ. Въ то время въ Берлинѣ только что появилась новая книга, надѣлавшая много шума; это была переписка Александра Гумбольдта съ Варнгагеномъ фонъ-Энзе, изданная племянницей послѣдняго, Людмилой Ассингъ. О личности ея и характерѣ я уже говорила раньше, во время пребыванія ея въ Веймарѣ, и сдѣланная ею теперь нескромность меня не удивила. Между прочимъ напечатано было нѣсколько писемъ, касающихся великаго герцога Карла-Александра и извѣстнаго дѣла Генсена. Великій герцогъ сказалъ, что очень удивляется, что подобная вещь могла случиться съ человѣкомъ, съ которымъ онъ былъ въ такихъ отношеніяхъ, какъ съ Гумбольдтомъ. Листъ судилъ объ этомъ иначе; онъ предполагалъ, что Людмила Ассингъ демократическимъ образомъ мститъ великому герцогу. Во всякомъ случаѣ было слишкомъ рано выдавать интимныя сужденія этихъ двухъ выдающихся людей такъ скоро послѣ ихъ смерти. Вѣроятно многіе имѣли совсѣмъ другое понятіе о Гумбольдтѣ. Избалованный во всѣхъ отношеніяхъ, находя большое удовлетвореніе въ своихъ научныхъ трудахъ, онъ пользовался всевозможными почестями и отличіями, а другомъ и покровителемъ его былъ меценатъ Германіи, король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV; и не смотря на все это, въ его письмахъ слышится такая горечь, которая для каждаго непонятна.

Листъ разсказывалъ, что нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда онъ былъ въ Берлинѣ, Гумбольдтъ спросилъ его: «Вы навсегда поселились въ Веймарѣ?»—Почему нѣтъ? сказалъ ему Листъ. На это Гумбольдтъ

возразилъ: «Я боюсь, что это для васъ будетъ мало удовлетворительно». Изъ этого видно, что, не смотря на то, что Гумбольдтъ былъ въ перепискѣ съ великимъ герцогомъ Карломъ-Александромъ, онъ его не очень цѣнилъ. Разъ въ обществѣ кто-то безъ особаго уваженія отозвался о покойномъ великомъ герцогѣ Карлѣ-Фридрихѣ, супругѣ великой княгини Маріи Павловны, на что Гумбольдтъ сказалъ: «Il faut connaître le fils pour apprécier le père».

Извѣстно, что у Листа были почти всѣ существующіе въ Европѣ ордена, но онъ ихъ никогда не носилъ. Какъ всегда, когда онъ бывалъ во фракѣ, у Листа въ этотъ вечеръ въ петлицѣ была маленькая красная лента Веймарскаго ордена Бѣлаго Сокола, и онъ, указывая на нее, сказалъ мнѣ: «Какъ я остался вѣренъ своей первой любви, такъ и первому ордену, который я получилъ именно отъ великаго герцога».

Одновременно съ перепиской Гумбольдта вышла еще другая книга, надѣлавшая немало шума по всему міру, написанная, какъ говорятъ, по внушенію Наполеона III-го. Это была книга Э. Абу «La question romaine», направленная противъ папы и Рима, и быть можетъ самая ѣдкая сатира, которая была написана со временъ Вольтера.

У Листа въ Веймарѣ была комната, посвященная исключительно подаркамъ, которые были ему поднесены; тамъ было много цѣнныхъ и художественныхъ вещей, которыя разложены были въ витринахъ и представляли большую цѣнность. Въ одинъ прекрасный день камердинеръ Листа преспокойно уложилъ всѣ эти драгоцѣнности, увезъ ихъ и исчезъ безслѣдно. Въ этой комнатѣ висѣлъ портретъ его друга князя Феликса Лихновскаго, который былъ такъ варварски умерщвленъ толпою во время революціи во Франкфуртѣ 1848-го года.

Когда Листъ поселился въ Веймарѣ, онъ обязался управлять исключительно только придворными концертами; вскорѣ послѣ этого обергофмаршалъ и одновременно директоръ театровъ фонъ-Шпигель, по болѣзни, вышелъ въ отставку; на его мѣсто былъ назначенъ Ф. Цигезаръ, человѣкъ образованный, большой музыкантъ и весьма дружный съ Листомъ. Его назначеніе директоромъ театровъ застало его врасплохъ; онъ чувствовалъ, что обычная колея театральнаго дѣла совѣмъ недостойна для придворнаго учрежденія, въ которомъ когда-то директоромъ былъ Гёте. Но онъ не зналъ, какъ помочь бѣдѣ. Тогда онъ обратился къ Листу съ вопросомъ: Не сдѣлаешь ли ты мнѣ одолженіе дирижировать одну оперу въ день рожденія великой княгини? (16-го Февраля 1848 года). Листъ согласился и предложилъ «Марту», которая тогда впервыя давалась въ Вѣнѣ. Понятно, что Листъ разучилъ оперу; исполнили ее отлично, и она имѣла полнѣйшій успѣхъ.

По просьбѣ нашей великой княгини Листъ согласился и впредъ заниматься Веймарской оперой, и великая княгиня назначила ему изъ собственной своей шкатулки тысячу талеровъ, а за управленіе концертами онъ получалъ триста талеровъ. Это было все, чѣмъ Листъ располагалъ для своей жизни съ тѣхъ поръ, какъ онъ отказался отъ игры въ концертахъ. Какъ дирижеръ Веймарской оперы, онъ установилъ свою весьма простую и достойную подражанія программу дѣятельности. Онъ спасъ отъ забвенія оперы забытыя, но достойныя сохраненія, какъ напримѣръ, Фиделіо Бетховена, Эвріанту Вебера, Эстреллу Шуберта, Ифигенію Глюка и многія другія; а для поощренія рождающихся талантовъ и для доставленія имъ возможности слышать свои сочиненія, онъ старался ставить ихъ на Веймарской сценѣ; напримѣръ Цирюльникъ Корнеліуса, Нибелунги Дорна, Комала Соболевскаго. О драмахъ Вагнера нечего и говорить, что, благодаря Листу, онѣ не были преданы забвенію. Тангейзеръ, кромѣ того, былъ принятъ по предложенію Листа, благодаря своему патріотическому содержанію, такъ какъ гора, въ которой по преданію царствовала Венера и гдѣ Тангейзеръ ее посѣщалъ, находится въ Веймарскомъ великомъ герцогствѣ. Листъ не зналъ Тангейзера, но когда получилъ его партитуру, она его такъ заинтересовала, что онъ употребилъ все свое стараніе, чтобы довести его до представленія. Нужно сказать, что опозиція была сильная, такъ какъ всѣ говорили о Вагнерѣ, какъ о политическомъ преступникѣ. Когда поставили Лоэнгрина, успѣхъ его былъ сомнительный. Опасаясь за дальнѣйшую участь этой оперы, Листъ попросилъ нашу великую княгиню наполнить театръ; она взяла сто билетовъ и велѣла ихъ раздать. Листъ понялъ также, что въ маленькомъ городкѣ съ 15-ю тысячами жителей и соотвѣтственными средствами публи-

слѣдовало привлекать новыми сочиненіями и одновременно поддерживать то музыкальное направленіе, которое онъ считалъ необходимымъ для поднятія музыки вообще. Листъ строго придерживался этой точки зрѣнія, пока Цигезаръ и Больё были директорами театровъ и дѣйствовали съ нимъ сообща. Но все измѣнилось, когда директоромъ Веймарскаго театра назначили Франца Дингельштедта, написавшаго между прочимъ одно стихотвореніе, которое надѣлало въ 1849-мъ году много шума по своему свободомыслію. Не смотря на то, что онъ былъ поэтъ, Дингельштедтъ былъ очень грубый и, по моему, не вполнѣ понимающій музыку человѣкъ, хотя онъ и былъ женатъ на извѣстной пѣвицѣ Лейтнеръ изъ Вѣны. Онъ нисколько не соглашался съ мыслью сдѣлать изъ придворнаго театра пріютъ для такъ называемой музыки будущности; онъ былъ человѣкъ практичный и думалъ только о томъ, какъ наполнить театральную кассу. Но когда Листъ замѣтилъ, что для

достиженія экономіи въ 14 тысячъ талеровъ ежегодно, брались рѣшенія вполнѣ неартистическія, онъ не могъ продолжать быть сообщникомъ подобнаго торговаго предпріятія и рѣшился удалиться изъ Веймара. Подобное могъ сдѣлать только такой человѣкъ, какъ Дингельштедтъ, который изъ Гессенскаго деревенскаго учителя сталъ генералъ-интендантомъ придворнаго театра. На его широкія плечи можно было свалить всѣ несправедливости, которыя дѣлались и на которыя не согласились бы ни Цигезаръ, ни Больё, ни Листъ.

Листъ былъ очень огорченъ тѣмъ, что въ это время его отношенія къ Вагнеру какъ-то обострились; это случилось вслѣдствіе того, что Листъ отказалъ Вагнеру въ значительной денежной поддержкѣ, о которой тотъ его просилъ. У Вагнера была очень непривлекательная черта его характера: это неблагодарность. Онъ смотрѣлъ на общество, какъ на людей, обязанныхъ исполнять всѣ его требованія. Едва ли найдется другой примѣръ, чтобы кто нибудь столько сдѣлалъ для другого, сколько Листъ для Вагнера. Какъ примѣръ неблагодарности Вагнера, стоитъ только вспомнить о г-жѣ Калерджи, которая ежегодно давала ему 10 тысячъ франковъ, и все ему было недостаточно; вспомнить о сестрѣ Вагнера, г-жѣ Брокгаузъ и ея мужѣ, извѣстномъ Лейпцигскомъ издателѣ, и о поступкѣ Вагнера съ ними. Они его взяли къ себѣ въ домъ еще молодымъ мальчикомъ-сиротой, и Брокгаузъ даже думалъ усыновить его, такъ какъ у него были только четыре дочери. Послѣ того, что въ теченіе многихъ лѣтъ Вагнеръ пользовался у нихъ беззаботной жизнью и богатой обстановкой, онъ вдругъ разсердился на своихъ родственниковъ, не предупредивъ ихъ, уѣхалъ изъ дома и прервалъ съ ними всякія сношенія.

Возвратимся къ Листу, отказъ котораго не понравился Вагнеру. Онъ употребилъ мелочную месть и написалъ Бюлову письмо, въ которомъ неделикатно коснулся отношеній Листа къ княгинѣ Виттгенштейнъ. Прочитавъ это письмо, Листъ нашелъ поведеніе Вагнера непростительнымъ и съ тѣхъ поръ больше не писалъ ему. «Но все нужно переносить», прибавилъ Листъ, «намъ остается музыка: это что-то безконечно-прекрасное, это—ни слово, ни дѣло, что-то невыразимое, которое можетъ сравниться только съ любовью, и можетъ быть еще выше ея».

Вагнеръ былъ очень друженъ съ Бюловомъ. Послѣдній происходилъ изъ Прусскихъ дворянъ и могъ довольно самостоятельно распоряжаться своими средствами. Въ то время онъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ давалъ концерты и весь сборъ отправлялъ Вагнеру. Пребываніе Бюлова въ Парижѣ и вліяніе на него двора Наполеона были причиной того, что онъ написалъ брошюру, подъ заглавіемъ «Napoleon der

Dritte», въ которой предлагалось Наполеону возстановить границу Франціи по Рейнъ и медіатизировать маленькія Германскія государства. Когда узнали кто авторъ этой брошюры, понятно, всѣ маленькіе Нѣмецкіе дворы его устранили отъ себя.

Г-жа Калерджи, о которой мы говорили, была племянница нашего министра Нессельроде и воспитывалась у него, наравнѣ съ его дочерьми. У нея были большія музыкальныя способности; первымъ ея учителемъ музыки былъ Шарль Мейеръ, затѣмъ Шопенъ; а съ Листомъ она часто и много играла. Онъ ее называлъ: «Meine Hofpianistin». Она была очень красивая женщина, высокаго роста, съ чудными золотисто-рыжеватыми волосами. Ея манеру играть можно только сравнить съ изваяніемъ изъ мрамора; подобной игры я никогда больше не слыхала и вѣрно не услышу. Хотя, когда она играла, ни одинъ мускулъ ея лица не измѣнялся, ея игру нельзя было назвать холодной: она была такъ изящна и полна поэзіи, что увлекала слушателей въ иной міръ. Она вышла замужъ за очень богатаго Грека Калерджи, жила съ нимъ въ разводѣ и большей частью за границей. Мужъ ея давалъ ей 30 тысячъ рублей ежегодно, но она всегда бывала въ долгахъ. Послѣ смерти перваго мужа она вышла замужъ за Муханова, отличнаго музыканта, а нѣсколько лѣтъ спустя заболѣла нервной болѣзнью и провела нѣсколько лѣтъ въ домѣ душевно-больныхъ въ Ильменау.

Листъ разсказывалъ, что во время седьмого своего пребыванія въ Лондонѣ, которое длилось всего двѣ недѣли, когда онъ былъ очень несчастенъ и держался совсѣмъ въ сторонѣ отъ общества, къ нему явился князь Павелъ Эстергази, состоявшій тогда при посольствѣ въ Лондонѣ (впослѣдствіи Австрійскій посолъ въ Петербургѣ) и упрекнулъ его въ томъ, что Листа совсѣмъ не видно. «Вы могли бы навѣстить моего дядю». Его дядя, князь Эмиль Эстергази, былъ въ то время посломъ въ Лондонѣ. Извѣстно, что отецъ Листа былъ управляющимъ у князя Эмиля Эстергази, и Листъ отлично помнилъ, какъ онъ ребенкомъ обѣдалъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ за столомъ служителей князя. Листъ отвѣчалъ, что онъ находится въ Лондонѣ на слишкомъ короткое время, чтобы дѣлать визиты. «И знаете», прибавилъ онъ, «вашъ дядя никогда не сдѣлалъ мнѣ визита, даже карточки не бросилъ». А Листъ дорожилъ этимъ знакомъ учтивости. На другой день князь Эстергази явился къ Листу и конечно увлекъ его къ себѣ. А вотъ какъ поступилъ съ Листомъ Нессельроде. Въ то время Листъ жилъ въ Миланѣ въ большой тревогѣ (это было вскорѣ послѣ рожденія его дочери Козимы); средства у него были небольшія, и онъ нанималъ маленькую, бѣдно-обставленную комнату въ четвертомъ этажѣ у нѣкоего абба-

те, отдававшаго рояли на прокатъ. Однажды явился къ Листу Хрептовичъ, который былъ женатъ на дочери графа Нессельроде, и говоритъ ему, что Нессельроде желаетъ съ нимъ познакомиться и проситъ его назначить день и часъ, когда онъ найдетъ его дома. Извѣстно, что Нессельроде любилъ музыку и понималъ ее. Листъ стѣснялся принять графа въ своей бѣдной обстановкѣ, извиняясь за нее. Но на слѣдующій день Нессельроде все-таки явился къ Листу, который вознаградилъ его тѣмъ, что нѣсколько часовъ подъ рядъ игралъ ему то, что̀ тотъ желалъ.

Совсѣмъ инымъ образомъ поступилъ Листъ съ княгиней Меттернихъ, женой канцлера. Листъ держался того взгляда, что артистъ въ тоже время и человѣкъ, который, какъ и всѣ другіе, имѣетъ право на тѣже знаки уваженія и внѣ своей дѣятельности. При своемъ умѣ, образованіи и любезности, онъ тѣмъ болѣе могъ этого требовать. Живучи въ Вѣнѣ, онъ часто игралъ у князя Меттерниха, но разъ княгиня пригласила его обѣдать. Листъ принялъ приглашеніе. По окончаніи обѣда, едва успѣли перейти въ гостиную, какъ княгиня проситъ Листа играть. Его задѣло это за живое; онъ всталъ, взялъ шляпу, поклонился княгинѣ, поблагодарилъ за обѣдъ и за сдѣланную ему честь и уѣхалъ. Княгиня Меттернихъ никогда ему этого не простила.

22-го Апрѣля. Исполняли новую оперу Э. Лассена «Trauenlob». Лассенъ, сынъ Брюссельскаго банкира, человѣкъ съ независимыми средствами, прошелъ курсъ Брюссельской консерваторіи и, получивъ первый призъ, былъ посланъ на нѣсколько лѣтъ въ Римъ. Возвратясь оттуда, онъ проѣздомъ остановился въ Веймарѣ, чтобы представиться Листу, хотя его учитель Фетисъ былъ явнымъ противникомъ Веймарской школы. Лассенъ, очень любезный и образованный человѣкъ, очень понравился Листу, и это было взаимно, такъ что, помимо своей воли, Лассенъ остался въ Веймарѣ и въ скорости былъ назначенъ третьимъ музикъ-директоромъ придворной капеллы. Лассенъ самъ играетъ на фортепіано, но больше все занимается авторской дѣятельностью; онъ пишетъ немного, но то что̀ онъ пишетъ обработано очень тщательно и должно быть причислено къ хорошей музыкѣ.